

сику от Пушкина до Пелевина. *Вариант третий* – Жихарь решает свои личные проблемы. *Вариант четвертый* – Жихарь решает общечеловеческие проблемы. *Вариант пятый* – Жихарь ставляет материал Проппу, а следовательно, и всем культурологам и прочим представителям гуманитарных наук. *Вариант шестой* – автор посредством своего героя решает свои собственные задачи, а именно издается над святым – всеми основными культурологическими парадигмами культурологии. Культурологические теории не выдерживают проверки здравым смыслом и реалиями сказочной жизни. «Башляр, однако, находит у этого символа также и более глубокое значение: гермафродитизм, поскольку в своих движениях и своей длинной фаллической шеей он мужественен, тогда как его закругленное тело женственно... Дался этому Башляру гермафродитизм, однако лебедя от лебедушки отличить уже не может». *Вариант седьмой* – миф все время оборачивается реальностями жизни, а реалии жизни – мифом. В таком случае Успенский коварно пытается нам доказать, что вся наша реальность в действительности иллюзорна и представляет не более чем сочиненный кем-то миф.

В итоге все действие блистательно запутается. Жихарь является одновременно и мифологической фигурой, и исследователем мифа, и субъектом, и объектом познания. Пропп из исследователя превращается в мифологический персонаж. Все статусы смешиваются: в мифологическом пространстве на равных существуют король Артур и Петруха, царица Галадриэль и царь Соломон, Сальвадор Дали и Эльдар Рязанов, Один и Фрейзер. В итоге и Алисе снится Черный король, а Черному королю – Алиса. Вопрос «Чей же это сон?» лишается своего смысла, потому что это всеобщий культурологический сон или бред (интересно, а чудовищ, как любой сон, он породит?).

СКАЗКА КАК ЖАНР ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Е. А. Невелева

Уральский госуниверситет

Философское знание представляет собой мощнейший пласт культуры человечества. Структура философского знания, его язык, его понятийный аппарат, казалось бы, являются давно и прочно установ-

ленными, неизменными, так же, как и жанры, в которых может выражать себя философия. Каждый из них имеет свою специфику, свои выразительные возможности, пользуется собственными средствами передачи мысли. Однако, несмотря на достаточно большое разнообразие, делаются попытки выхода за пределы очерченного жанрового круга, что может быть охарактеризовано как стремление к обновлению жанра. В связи с этим было бы интересно обратиться к проблеме столкновения традиции и новации в отношении жанров философствования. Время для таких размышлений пришло уже давно: философия ищет новый язык, пытается выбраться из рамок, в которых ей становится тесно. Правомерно ли говорить о том, что языком отнюдь не философского трактата можно говорить о вечных вопросах бытия?

Русская философия и русская культура никогда не были закованы в узкие нормативные рамки. Если задуматься, отечественная философия представляет собой сплошное обновление жанра. Ведь вся она, в сравнении с западной, есть обновление, сочетание несочетаемого, разрешение неразрешимого. Здесь мы найдем такие понятия и категории, которыми не оперировала ни одна другая национальная философия. Множество философских откровений хранит в себе русская литература, а художественная форма является зачастую способом донесения глубочайших, серьезнейших мыслей. Именно мыслей, а не законченных концепций и идей. Чаще всего русская литература не дает ответов на вопросы, но лишь ставит их, вечные «проклятые вопросы». Однако литература стала лишь естественным и оформленным продолжением того, что зарождалось в глубинах народного сознания: вся поистине самобытная русская мысль разлита в народном творчестве, «жизненной философии народа» или «первой дорелигиозной философии народа», как Ильин называл *сказку*.

Именно русская сказка являет собой квинтэссенцию народного сознания и самосознания. Можно говорить об этических и эстетических, аксиологических и праксеологических доминантах, рассматривать онтологическую, и гносеологическую наполненность сказочного повествования. Сказка, безусловно, не философское произведение в привычном смысле этого слова, но отрицать ее философичность невозможно. О величайшем значении сказки как отражении духа народа говорили Трубецкой, Кошелев, Аксаков, Ильин, Булгаков, Хо-

мяков и многие другие. В XIX веке в России появляется такой жанр, как авторская сказка, который достигает своего расцвета в веке XX.

Каждый автор находит свои причины для обращения к этому жанру. Так, для славянофилов сказка дышала дорогой их сердцу стариной, будучи выражением самобытности русского народа. Писатели серебряного века ценили сказочный жанр за предоставляемые им широчайшие возможности игры с языковыми формами, создания уникальных образов, облекая размышления о глобальных философских проблемах в сказочную форму. Сегодня, на наш взгляд, философия все больше утрачивает свой академизм, пытаясь искать новые формы, выразительные средства, обращаясь к новым жанрам. И все чаще происходит обращение к форме сказочного повествования. (Например, те же «Философские сказки» Н. Козлова, «Философия для самых маленьких» и проч.)

Что же привлекает авторов именно в жанре сказки? Поле философских размышлений довольно прочно утоплено. Открывающаяся свобода мыслевыражения, возможность творения собственных образов, емкий аллегорический язык, изначальная положительная энергетика жанра сказки делают ее интересным и необычным способом философствования. Сказочный намек – та недосказанность, которой так дорожит философия. Он приглашает читателя к размышлению, не позволяя родившейся идее превратиться в остывшую форму.

Речь, безусловно, не идет о том, что философия должна отказаться от своего традиционного языка и раствориться в обыденном, но раз поиск идет, значит есть и настойчивая потребность в этом. На современном этапе вполне правомерно обращение философии к жанру сказки: с одной стороны, с целью изучения сокрытых в ней глубин народной мудрости, с другой – с целью использования формы и языка сказочного повествования как средства выражения философских мыслей. Пора отказаться от устоявшегося мнения о том, что изучение этого культурного феномена – дело только искусствоведов и филологов. Ведь культура, в том числе философская, – развивающийся организм, уникальный синтез традиции и новации, находящихся в постоянном взаимодействии.